

Министерство общего и профессионального образования РФ
Орехово-Зуевский государственный педагогический институт

Творческая индивидуальность и пути ее изучения в вузе и школе

(Межвузовский сборник статей)

Орехово-Зуево
2000

«ПЛАВАНЬЕ» Ш.БОДЛЕРА И «ТИХИЕ ПЕСНИ» И.АННЕНСКОГО: ДВЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО ЗАМЫСЛА

В современном литературоведении уже появились работы, посвященные анализу первой книги стихов талантливейшего русского лирика серебряного века И.Ф.Анненского. Дело в том, что большинство исследователей поэта не считают «Тихие песни» достаточно оригинальной и самостоятельной книгой. Начало такому отношению положила в свое время еще Л.Я.Гинзбург, писавшая: «Первый сборник оригинальных стихотворений Анненского, «Тихие песни», только предсказывал будущий – и столь поздний – расцвет поэта»¹. И вслед за нею многие критики сочли «Тихие песни» чем-то вроде «пробного камня»², сборника, носящего ученический характер.

Однако, как уже было сказано, в настоящее время существует ряд работ³, проливающих свет на авторский замысел «Тихих песен», раскрывающих истинное значение этой книги в контексте всего творчества поэта. Суть их сводится к следующему.

Как известно, источником лирического и драматического творчества Анненский считал миф. В своей статье «Античный миф в современной французской поэзии» он утверждал, что даже «самые энергичные искатели новых начал поэзии не могли и все еще не «могут уйти от бессознательного пользования античностью»⁴. Миф, по Анненскому, определил собою «самые формы нашей творческой мысли»⁵. Поэтому неудивительно, что в качестве основы сюжета своей первой книги (говоря о сюжете поэтической книги, нужно учитывать, что это понятие несколько условное) Анненский использовал миф об Одиссее, соотнеся своего лирического героя с героем мифа. На это явно указывают и псевдоним, под которым вышла книга – «Ник. Т-о» (Никто, по-гречески «Утис») – так назвался мудрый Одиссей, оказавшись в пещере циклопа, и первоначальное название «Тихих песен» – «Из пещеры Полифема», и само содержание книги, ее образы и тематика: мотив поиска духовной родины (стихотворение «Поэзия», открывающее книгу, и завершающее – «Желание»), тема соблазнов, преследующих героя, мотивы опьянения и забытья (стихотворения «Трактир жизни», «Там», «С четырех сторон чаши», «Падение лилий», «Тоска» и др.), образ душной пещеры циклопа Полифема, соотносимый Анненским с пребыванием в мире, где царит Скука, и т. д.

Но, указывая на четкую соотнесенность «Тихих песен» с мифом об Одиссее, современный исследователь почему-то совершенно не учитывает тот факт, что Анненский был отнюдь не первым поэтом, который использовал именно этот миф в подобных целях. Примечательно здесь также и то, что поэт, которого мы имеем в виду, был одним из любимейших авторов самого Анненского.

Речь идет о предтече французского символизма Шарле Бодлере и его стихотворении «Плаванье», которым он завершает свои знаменитые «Цветы зла». Бодлер отличался необычайной требовательностью к своим творениям, его единственная книга стихов – блестящий образец продуманной до мельчайших деталей, строго выверенной и отшлифованной поэтической мысли. Поэтому расположение стихотворения «Плаванье» в конце книги не может быть случайностью, напротив, стихотворение это является своего рода эпилогом и одновременно ключом к окончательному пониманию всего замысла книги.

Что же представляет собой «Плаванье»? Какие именно его элементы отсылают нас к мифу? Во-первых, уже в самом названии звучит мотив странствия, и, как выясняется позднее, это странствие души по океану земной жизни, полному разъедающей скуки, страданий и искушений, – странствия, целью которого является обретение любой ценой *нового*, еще не виданного ранее. Странствие Одиссея и его спутников – лейтмотив античного мифа. Во-вторых, хотя сам Одиссей и не упоминается Бодлером, но характерные атрибуты мифа присутствуют в стихотворении:

Что нас толкает в путь? Тех – ненависть к отчизне,
Тех – скука очага, еще иных – в тени
Цирцениных ресниц оставивших полжизни –
Надежда отстоять оставшиеся дни.

В Цирцениных садах, дабы не стать скотами,
Плывут, плывут, плывут в оцепенении чувств,
Пока ожоги льдов и солнц отвесных пламя
Не выгравят следов волшебницыных уст.

(Пер. М. Цветаевой)

Цирцея – волшебница с острова Эя, обратившая в свиней спутников Одиссея, а самого героя державшая при себе в течение года.

В другом эпизоде мифа спутники Одиссея попадают на остров лотофагов, где, вкусив дарующего забвения лотоса, забывают о конечной цели своего путешествия. Тот же мотив мы встречаем и у Бодлера:

...О, эти голоса, так вкрадчиво из мрака
Взывающие: «К нам! – О, каждый, кто взалкал

Лотосова плода! Сюда! В любую пору
Здесь собирают плод и отжимают сок.
Сюда, где круглый год – день лотосова сбора,
Где лотосову сну вовек не минет срок!

Таким образом, стихотворение Бодлера, написанное как бы от лица спутников Одиссея, является перенесением античного мифа на почву современной поэзии, переосмыслением его. А тот факт, что стихотворение завершает книгу, позволяет предположить, что его идея есть основополагающая идея всей книги в целом:

Мы жаждем, обзрев под солнцем все, что есть,
На дно твое нырнуть – Ад или Рай – едино! –
В неведомого глубь – чтоб *новое* обрести!

Отсюда можно сделать вывод, что «Цветы зла» есть странствие души поэта по «садам земных наслаждений»⁶, чтобы ценой нисхождения в ад (хотя бы даже искусственный), не гнушаясь никакими запретными плодами, добыть то *новое*, что обычно называют искусством. И, как мы видим, атрибуты античного мифа играют в этом странствии не последнюю роль.

А что же Анненский? Хорошо знакомый со стихами Бодлера и, несомненно, потрясенный его книгой, он не мог не ощутить этой связи творчества любимого поэта с античным мифом (недаром же появилась статья «Античный миф в современной французской поэзии»), и, возможно, именно это обстоятельство натолкнуло его на мысль о композиции собственной первой книги стихов.

Но, естественно, Анненский не мог просто механически воспользоваться находкой Бодлера и перенести ее в свое творчество. Русский поэт, уловив нечто близкое своим собственным замыслам у своего французского предшественника, несколько изменил акценты в своей интерпретации «Одиссеи» и в определенной мере даже вступил в скрытую полемику с Бодлером, и его принципом эстетизации зла. И полемика эта отражена в эпиграфе к «Тихим песням».

Если мы обратимся к первому варианту эпиграфа, который остался в стихотворении «Не могу понять, не знаю...», не вошедшем в книги Анненского, то мы увидим, что в нем «красота муки» оказывается равнозначной «муке идеала»:

Из разбитого фиала
Всюду в мире разлита
Или мука идеала,
Или муки красота.

Иными словами, здесь возникает мысль о том, что страдание само по себе может стать предметом эстетического переживания («муки красота»). То есть, перед нами типичная черта бодлеровского мировосприятия: мука, страдание, зло оказываются по-своему «красивыми». Однако идеализация мучений, боли и, наконец, смерти – это шаг к небытию, сознательный отказ от жизни во всех ее проявлениях, отказ, который сначала ограничивает возможности творчества, а затем и вовсе губит и само искусство и его создателя. Яркий пример тому – трагическая судьба Бодлера.

Поэтому Анненский, осознавая, что «муки красота» является своего рода дурманом, сбивающим поэта с истинного пути, выносит в качестве эпиграфа к «Тихим песням» такие строки:

Из заветного фиала
В эти песни пролита,
Но, увы, не красота...
Только мука идеала.

Эстетическое обаяние распада волнует поэта, но не настолько, чтобы окончательно поддаться ему, как это совершает в своем творчестве Бодлер, и забыть о том, что это смерть. Кстати, здесь еще одна отсылка к мифу, правда, косвенная: лирический герой «Тихих песен» подобен Одиссею, который не смог удержаться от желания услышать соблазнительное пение сирен, но нашел способ избежать при этом гибели.

Величайшая духовная трезвость, сопряженная с мощным устремлением к идеалу, не позволяет Анненскому и герою его первой книги уступить соблазнам и страхам существования. И при всей схожести мотивов «Тихих песен» и «Цветов зла» нельзя не отметить тот факт, что жизненные позиции лирических героев Бодлера и Анненского глубоко различны: оба страдают в поисках Идеала, но один готов искать его даже в аду, среди зла и пороков, а другой осознает всю губительность искушений и соблазнов подобного пути. Именно поэтому Анненский завершает свою «Одиссею» мыслью о смирении и покое, желанием освободиться от порочности собственной души и от «черной заразы» скуки окружающего мира:

Когда к ночи усталой рукой
Допашу я свою полосу,
Я хотел бы уйти на покой
В монастырь, но в далеком лесу.

Где бы каждому был я слуга
И творенью господнему друг,
И чтоб сосны шумели вокруг,
А на соснах лежали снега...

А когда надо мной зазвонит
Медный зов в беспросветной ночи,
Уронить на холодный гранит
Талый воск догоревшей свечи.

Этим стихотворением, отсылающим нас к православным традициям схимничества, к миру образов Ф.М.Достоевского, Анненский окончательно преодолевает отрицательное влияние бодлеровской эстетики и выходит на новый этап осмысления бытия и места поэта в нем – этап, который найдет свое воплощение в следующей книге – в «Кипарисовом ларце».

Итак, мы пришли к заключению, что «Цветы зла» Бодлера и в особенности последнее стихотворение этой книги – «Плавань» послужили для Анненского, наряду с мифом об Одиссее, источником замысла его первой оригинальной книги стихов «Тихие песни», в которой русский поэт высказал принципиально иной взгляд на проблему, поставленную Бодлером, и наполнил структуру античного мифа новым актуальным содержанием: герой Анненского более близок античному герою – подобно хитроумному Одиссею, среди соблазнов и искушений мира, где царит Скука, он стремится к обретению истинного Идеала.

Примечания

1. Гинзбург Л. О лирике. – М., 1997. – С. 307.
2. Беренштейн Е.П. Просветленная страданьем красота... // Литература в школе. – 1992. – № 3–4. – С. 17.
3. Мусатов В.В. «Тихие песни» И.Анненского // Известия АН. Сер. лит. и язк. Т. 51. – 1992. – № 6. – С. 14–24; Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половине XX века. – М., 1992. С. 6–58.
4. Цит. по кн.: Мусатов В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половине XX века. – М., 1992. – С. 19.
5. Там же.
6. Название одной из фантазмагорий И.Босха.